

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 38–56.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 38–56.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-38-56

ФРИДРИХ НИЦШЕ И МАРКСИСТСКО- СОВЕТСКИЕ ДЕЛА. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ

Януш Добешевский

Варшавский университет, Варшава, Польша,
dobieszewski@uw.edu.pl

 Аннотация. Русские мыслители использовали почти все существенные элементы философии Ницше, но есть ряд отношений между Ницше и Россией, которые остаются менее известными и менее типичными. Дело в том, что они никогда не приводили к таким достижениям, как у широко понимаемой русской религиозной философии, поэтому и раньше были, и сейчас остаются менее популярными, но заслуживают внимания и «наблюдения». Короче говоря, речь идет о «деле Ницше» в кругу русского марксизма и о продолжении этого дела в виде проблемы «Ницше и СССР». В последнем отношении нас будет интересовать советский период до Второй мировой войны.

 Ключевые слова: Ницше, Россия, философия, марксизм, фашизм, Луначарский, «Под знаменем марксизма»

Данная статья является сокращенной и модифицированной версией более раннего текста [Dobieszewski, 2019].

© Добешевский Я., 2021

Ссылка для цитирования: Добешевский Я. Фридрих Ницше и марксистско-советские дела. Несколько замечаний // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 38–56. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-38-56>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

FRIEDRICH NIETZSCHE AND MARXIST-SOVIET AFFAIRS. A FEW NOTES

Janusz Dobieszewski

University of Warsaw, Warszawa, Poland,
dobieszewski@uw.edu.pl

Abstract. Russian thinkers used almost all the essential elements of Nietzsche's thought, but there are also a number of relations between Nietzsche and Russia that remain less known, less typical, since they never led to such achievements as in the circle of widely understood Russian religious philosophy, which were and remain definitely less popular, but noteworthy and "observation". In short, we are talking about the "Nietzsche affair" in the circle of Russian Marxism and the continuation of this affair in the form of the problem of "Nietzsche and the USSR", although in this latter respect we will be interested in the Soviet period before World War II.

Keywords: Nietzsche, Russia, philosophy, Marxism, fascism, Lunacharsky, "Under the banner of Marxism"

For citation: Dobieszewski, J. (2021) 'Friedrich Nietzsche and Marxist-Soviet Affairs. A few Notes', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 38–56. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-38-56.

Сопоставление Ницше и России (СССР) — это не искусственная операция, совершенная извне и в некоторой степени насильственно историком философской мысли; отношения «Ницше — Россия» реальны, они возникли в нужный исторический момент и — что особенно важно — теоретически значимы. Мысль Ницше и русская мысль часто имели «общие интересы». У них общие источники, они концентрируются вокруг взаимосвязанных вопросов и вплетены в аналогичные теоретические и исторические ситуации.

Работы Ницше стали доступны русскому читателю в конце XIX века и сразу приобрели огромную популярность. Эта стремительность объясняется прежде всего тем, что русская мысль уже жила идеями, заложенными в произведениях немецкого мыслителя. Идеи, составляющие характер философии Ницше — например, радикальная критика современной европейской культуры и ее историко-философского фона, — можно было найти в русской мысли уже в славянофильстве, и в его классический период середины XIX века (особенно у Ивана Киреевского), и позднее у Константина Леонтьева.

Эта определенная общность проблемного круга русской мысли и философии Ницше станет — вместе с развитием русской мысли — более существенной, и все большую роль начнут играть здесь произведения Ницше. Силу этой взаимосвязи и влияния можно продемонстрировать мнением Дмитрия Мережковского, который считал, что мысли Ницше, возникающие из оценки явлений западноевропейской культуры и цивилизации, совпадают с выводами, сформулированными лучшими русскими мыслителями на рубеже XIX и XX веков [см. Новиков, 1972, с. 125]. Конечно, это не исключало сдержанных голосов и даже опасений по поводу популярности идей Ницше¹.

Русские мыслители использовали почти все существенные элементы философии Ницше. Так, у Бердяева мы находим идею несводимости индивида, у Мережковского и Розанова — яростную критику христианства, у Шестова — признание божественной силы личности, у Вячеслава Иванова — различие в культуре дионисийских и аполлонических элементов [см. Krzemień, 1979, s. 24]. Два русских мыслителя — Константин Леонтьев и Василий Розанов — даже заслужили прозвище «русский Ницше», и хотя по сей день оно вызывает сомнения, но дано было не беспочвенно. В случае Леонтьева это главным образом связано с его аристократическим эстетизмом, в отношении Розанова — с его виталистической критикой религии.

Хотя вышеуказанные проблемы широко признаны исследователями русской философии, существует ряд отношений между Ницше и Россией, которые остаются менее известными и менее типичными. Дело в том, что они никогда не приводили к таким достижениям, как у широко понимаемой русской религиозной философии, поэтому и раньше были, и сейчас остаются менее популярными, но заслуживают внимания и «наблюдения».

Короче говоря, речь идет о «деле Ницше» в кругу русского марксизма и о продолжении этого дела в виде проблемы «Ницше и СССР». При этом мы имеем

¹ Превосходная панорама присутствия философии Ницше в русской мысли конца XIX — первой половины XX века представлена в прекрасном томе [Ницше: pro et contra, 2001].

в виду не чисто теоретический, историко-философский, научно-сравнительный план, а измерение мысли Ницше, связанное с острыми спорами вокруг проблем — мировоззренческих, социально-исторических и даже политических (впрочем, в таком «живом» плане рассматривали философию Ницше русские религиозные философы, что наверняка соответствовало намерениям немецкого мыслителя). Нас в основном будет интересовать советский период до Второй мировой войны.

* * *

Я сначала хотел бы рассмотреть возможные сходства между мыслью Ницше и марксизмом, возможность использования марксизмом философии Ницше и гипотезу о том, что марксизм самообогащается с помощью ницшеанства.

На рубеже веков были по крайней мере два фактора, которые вдохновляли такие попытки. Во-первых, есть много общего между Ницше и марксистской критикой буржуазного (или мещанского) общества. Так, мы находим у Ницше идею отчужденного труда, негативную оценку частной собственности, экономической конкуренции, денег [см. Kuderowicz, 1976, s. 131] и прежде всего раскрытие им культурных и социально-экономических механизмов деперсонализации, разрушения и ограничения человеческой индивидуальности. Вторым фактором, сблизившим некоторых мыслителей-марксистов с Ницше, было состояние официального, ортодоксального марксизма. Ницшеанская мысль позволяла ввести в марксизм проблемы человеческой личности, моральные и философские вопросы, касающиеся обширных областей культуры, литературы и искусства, которые игнорировались и упускались догматическими и схематичными мыслителями Второго интернационала, сосредоточенными на объективных законах истории, спокойно относящимися к ее результатам, терпеливо ждавшими их. Ницше позволял интерпретировать марксизм с точки зрения активности, героизма, а также творческого и субъективного поведения человека.

Одним из самых видных пропагандистов Ницше в области марксизма в России был Анатолий Луначарский.

Ницше предстает у него как революционный мыслитель, хотя и непоследовательный в своей революционности. Он предстает таковым не только в смысле философского и интеллектуального прорыва, но как выразитель реальной исторической революционной ситуации. Философия Ницше — индивидуалистическая, но этот индивидуализм совершенно иного рода, чем индивидуализм мещанского либерализма.

Ницше, — писал Луначарский, — хочет говорить о людях, полных тоски даже по самым далеким иллюзиям, о людях, работающих на будущее и для будущего, о людях, которые умеют приносить жертвы, о людях-мостах, людях-стрелках, всегда направляющих свой полет в противоположный берег. <...> Для него Сверхчеловек — не замороженная цель, а символ постоянно развивающегося, всегда движущегося вперед идеала. Именно стремлением к идеалу человек постепенно превосходит самого себя.

[Łunaczarski, 1963, t. 1, s. 222–223]²

Так понимаемый человек и такая форма индивидуализма открывает перед немецким мыслителем горизонт социальной и исторической жизни. Ницше — по-настоящему индивидуалистический мыслитель, но в то же время, по словам Луначарского, он обладает блестящим чувством по отношению к социальности и историчности. И именно это парадоксальное, с первого взгляда, сочетание яркого индивидуализма с социальностью и историчностью является отличительной чертой революции.

Тип индивидуализма, который характеризует мысль Ницше, Луначарский называет ультраиндивидуализмом (сверхиндивидуализмом) и противопоставляет его традиционному индивидуализму. Ультраиндивидуализм содержит идеи, непосредственно приближающие его к марксизму. В то время как индивидуализм, который характерен для мещанского идеала, — бесплодный, гнилой, пассивный (сосредоточен на защите *status quo*) и филистерский, ультраиндивидуализм является выражением жизнеспособности, силы и завоевательства. Его стихия — история, стремление к великим переменам. И это связывает его с социальным измерением. Как пишет Луначарский, «ультраиндивидуализм поистине великих личностей очень тесно связан с коллективизмом поистине великих классов» [ibid., s. 242]. Здесь мысль Ницше очень близко подходит к мысли Маркса: «Сила ультраиндивидуализма Ницше заключается в скрытом или потенциальном “антииндивидуализме”, в религии Человеческого Вида, Рода, страстным последователем и слугой которой он был на самом деле. <...> Маркс также отвергает священные права личности и провозглашает фактический примат общечеловеческого развития» [ibid., s. 224, 223]. Последние цитаты позволяют несколько усложнить отношение Луначарского к философии Ницше. Так почему же ультраиндивидуализм «тесно связан», «очень близок» коллективизму? Что означает его замечание

² Статья опубликована в 1909 году, ее первоначальное название — «Мещанство и индивидуализм».

о религии Вида, антииндивидуалистическая сущность которой «скрыта или потенциальна»?

Человеческие действия и идеалы могут быть основаны, согласно Луначарскому, на двух противоположных принципах: воле к власти или принципе справедливости [см.: Turek, 1973, s. 171–178; Walicki, 1983, s. 343]. Воля к власти реализуется в стремлении к интенсификации жизни, подчинению окружающей среды. Это сила стихийного созидания, доказывания своей гениальности. Она может быть эгоистичной и даже жестокой, восставая против мира, его норм, законов и моральных ценностей, пока они ее ограничивают. Напротив, принцип справедливости находит выражение в эгалитарных идеалах, в уважении по отношению к другому человеку, в признании его равноценности, чувстве общности, отождествлении с Видом.

Оба эти принципа, согласно Луначарскому, имеют равную ценность. Ошибка Ницше состоит в абсолютизации воли к власти и умалении принципа справедливости. Но это не абсолютная ошибка, мешающая адекватному описанию реальности. Скорее наоборот. А некоторая путаница здесь проистекает из того факта, что сочетание воли к власти и принципа справедливости, постулированное Луначарским, фактически еще не завершено и остается только теоретическим и этическим постулатом. До сих пор реальная история представляет собой процесс столкновения обоих принципов. Она создает сложные социальные системы с более или менее четким, относительным или ограниченным преимуществом одного из принципов. Гений Ницше заключается в том, что он уловил суть исторического момента, потребности и требования времени, когда на первый план выходит необходимость и существуют реальные шансы окончательно преодолеть борьбу между принципом справедливости и волей к власти, когда есть возможность ожидаемого примирения, творческого синтеза силы и справедливости. Признавая настоятельную необходимость сочетания воли к власти с принципом справедливости, Луначарский все-таки не рассчитывал на немедленную реализацию такого синтеза. Более того, в реальном историческом процессе он отводил гораздо большую роль воле к власти. В любом случае вряд ли справедливо было бы сказать, что, признавая эквивалентность воли к власти и принципа справедливости, Луначарский таким образом решительно отмежевался от позиции Ницше.

Однако это не означает также какого-то полного и утвердительного принятия Луначарским концепции Ницше. Эту концепцию следует интерпретировать так, чтобы преодолеть ее несоответствия. Итак, Луначарский попытался извлечь из мысли Ницше то, что было ценным, но также и «скрытым», «потенциальным»; он пытался преодолеть аристократизм Ницше, выйти за те

границы, которые только сближают (а не сочетают) ультраиндивидуализм с коллективизмом и которые ставят мысль немецкого философа перед опасностью крайнего, но также и ложного индивидуализма. Интерпретация Луначарского основана на социализации, коллективизации субъекта воли к власти. Человечество становится таким субъектом, создавая свой социальный и исторический мир в борьбе с природой; а в современную эпоху выражением и наследником творческих способностей человечества является, конечно же, пролетариат. Это должно привести к идее реализации воли к власти, несколько отличной от концепции Ницше. Основное направление и область ее деятельности — преодоление естественных ограничений и расширение свободы человека перед природой. Реальная сила человечества здесь — производительные силы; и человечество выражает желание увеличить ее. Субъектом этой деятельности является не отдельный индивид, а прогрессивные социальные классы, олицетворяющие волю к власти человечества. Таким образом, начав с Ницше, мы подошли к проблематике исторического материализма, что позволило Луначарскому защищать мысль Ницше как прогрессивную, творческую и тесно связанную с марксизмом. Марксизм, как и философия Ницше, — это философия творчества, оптимизма, активности, независимости, самостоятельности. Обе они похожи в неприятии пассивности, зависимости или трансцендентности: «Вместе с Ницше мы думаем, что трагизм жизни находит примирение в самом себе, служит сам себе оправданием, что глубоко-трагическое отношение к жизни может быть бодрым и даже радостным» [Луначарский, 2016]³. «Спиритуалистические теории часто утешали больных людей и больное человечество. Вместе с Ницше мы думаем, что всякая вера в потусторонний мир есть результат такой жажды утешения» [там же]. Антитрансцендентность — вот что определяет специфику, историческую интеллектуальную роль, этос обеих философий [см. Maskiewicz, 1981, s. 112]. Разрозненные результаты и выводы, а также противоположные политические оценки тем более подтверждают это совпадение. Противоречивые решения показывают, что принятие антитрансцендентной точки зрения преодолевает дуализм, характерный для религиозного мышления, и приносит с собой другую двойственность, другое противоречие — творческое, практическое и активное.

Марксизм Луначарского, отношение марксизма к Ницше, возможность для марксизма ассимилировать его мысль или элементы этой мысли — все эти вопросы приводят к другой проблеме более общего характера, не только теоретической, но и практической, даже политико-идеологической. Речь

³ Статья опубликована в 1902 году.

идет об этической основе марксизма. Что она из себя представляет? Это набор «твердых» или скорее «мягких» ценностей [Walicki, 1983, s. 46–47]? Соответствующий выбор приводит к разным последствиям. «Твердые» ценности будут ассоциироваться с волей к власти, этикой сильных, восхвалением расширения человеческого вида, развитием производительных сил даже за счет требований справедливости, с утверждением борьбы, героизма, творчества и чести. «Мягкие» ценности будут связаны с принципом справедливости, дружбой, милосердием, симпатией, равенством, социальными ценностями и безопасностью; здесь экономическая экспансия будет подчинена этим ценностям. На основе вышеупомянутой противоположности систем ценностей можно говорить о двух типах социализма — «социализме из страсти» и «социализме из боли». В задачи данного текста не входит разрешение вопроса, какой набор ценностей будет ближе духу марксизма (что также было бы связано со значением ницшеанской нити в марксизме), однако мы укажем на две предпосылки для возможного решения.

Во-первых, марксистские презрение и ирония по поводу нежной сентиментальности и тошнотворного морализаторства не обязательно означают отождествление с системой «твердых» ценностей. И во-вторых, сам подход к проблеме «твердых» и «мягких» ценностей и взаимосвязи между ними возникает у Луначарского из четкого разделения более близких и далеких целей — высших идеалов и текущих потребностей. Однако можно делать оговорки относительно легитимности такого разделения в марксизме, и наиболее ярким и выразительным сторонником данной позиции, вероятно, был бы Г. Лукач, который рассмотрел бы проблему «твердых» и «мягких» ценностей как неправильно поставленную, как проявление овеществленного сознания, резко и отчуждающим способом разделяющего пространства фактов и идеалов, необходимости и свободы [см. Lukacs, 1988]⁴.

Завершая изложение взглядов Луначарского, стоит процитировать более позднюю его самооценку собственных симпатий к ницшеанской мысли. Это заявление относится к 1924 году:

Могло смутить меня мое, еще Плехановым неодобрительно отмеченное, «увлечение» Ницше. <...> Но во всех тех случаях, когда я опирался на этого гениального писателя в области вопросов морали, всюду, где привлекаю его, как союзника, для разрушения морали старых колпаков, кафедрально-поповского

⁴ Это особенно относится к заключительной части обширной главы “Urzeczowienie i świadomość proletariatu” («Овеществление и сознание пролетариата»).

и кафедрально-университетского порядка, он выполняет эти обязанности блестяще. Так что цитаты из его сочинений при этом подборе являются чрезвычайно ценным оружием и для нашей марксистской оружейной палаты.

[Луначарский, 1924, с. 7]

* * *

Мы переходим ко второму проблемному кругу, в котором попытаемся представить влияние философии Ницше на русскую мысль, а точнее на советскую философию до Второй мировой войны. Мы тут не встретим вдохновляющего проникновения мысли Ницше в тогдашние советские концепции, не найдем и попыток обогатить марксизм ницшеанством. Историческая и политическая ситуация, а также идеологическая борьба заранее и конфронтационно определяют отношения между советской мыслью и философскими концепциями Ницше. Отношение советского марксизма к философии Ницше было подчинено дискуссиям, спорам и борьбе с фашизмом. Даже не обладая детальным знанием литературы по этому вопросу, можно заранее выделить два противоположных подхода, очерчивающих пространство оценок мысли Ницше: для некоторых он будет главным или по меньшей мере одним из главных предшественников, вдохновителей и идеологических выразителей фашизма; для других — близость фашизма к Ницше будет чем-то необоснованным, противоречащим намерениям философа и сути его взглядов, хотя и имеющим какое-то оправдание в некоторых конкретных решениях, двусмысленностях и провокационных формулировках.

Образ Ницше в советской философской и политической журналистике 1920–1930-х годов не был однозначным, что весьма существенно и достойно внимания. Мы можем увидеть эту интересную двусмысленность, сопоставив, например, описания и оценки его мысли с подходом советских теоретиков к концепции Шпенглера. И хотя легко найти тексты, которые ослабляют или даже отрицают профашистский характер мыслей Ницше, но, в отличие от него, Шпенглер не нашел ни одного защитника в известном, влиятельном и формирующем мнение ежемесячном журнале «Под знаменем марксизма»⁵. Авторы, упоминающие его имя, работы и концепции, делают это только для того, чтобы указать на Шпенглера как на прямой источник или один из важнейших источников фашистской идеологии. Некоторые из авторов даже

⁵ Мы ссылаемся на этот журнал, потому что фактически только на его страницах в интересующий нас период были опубликованы статьи, посвященные Ницше. См. «Библиография (расширенная) работ по философии Ф. Ницше, вышедших в России с 1892 по 2000 гг.» в [Ницше: pro et contra, 2001].

противопоставляют Ницше Шпенглеру, говоря о первом как о философе, используемом против его намерений при построении фашистской идеологии, а о последнем как о наиболее полном выразителе германского империализма и фашизма, кто придал в лучшем случае символизму и интеллектуальным провокациям Ницше практический, политический смысл [см. Перельман, 1934; Разумовский, 1937].

Тексты, посвященные Шпенглеру, появились в «Под знаменем марксизма» очень рано, еще в 1922 году. Это были статьи Абрама Деборина «Гибель Европы или торжество империализма» и Вагаршака Ваганяна «Наши российские шпенглеристы», в первую очередь полемизирующие со шпенглеровским «Закатом Европы» и с посвященным ему сборником текстов Бердяева и авторов из его круга под названием «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922). Слово «фашизм» еще не встречается в текстах Деборина и Ваганяна, Шпенглер представлен как выразитель немецкого или прусского национализма, шовинизма, империализма, мессианизма. Суть его концепции — подчинение всех ценностей, оценок и исторических проектов, а также социалистической фразеологии националистической идеологии. Нация становится единственным историческим субъектом, и особая роль в этом построении Шпенглера отводится Германии как спасительнице Европы. Национальная нить, ее доминирующая роль во всей концепции будет признана (например, в упомянутой статье Перельмана) как основное, исходное несоответствие между Шпенглером и Ницше, определяющее степень связи обоих мыслителей с фашизмом.

После этого небольшого отступления от нашей главной темы перейдем к тогдашним оценкам мысли Ницше⁶. Начнем с крайне неблагоприятных для его философии, то есть тех, в которых он однозначно определяется как предшественник фашизма, а популярность его идей в нацистской Германии, их роль как идеологической основы фашизма трактуется как естественный плод существенного содержания философии Ницше, как факт, который сам мыслитель, вероятно, приветствовал бы — если бы мог — с полным одобрением. Эту точку зрения представляют статьи из «Под знаменем марксизма» И. Вайнштейна «Философия Ницше и фашизм» (1935, № 6), М. Каммари «Личность в условиях капитализма и социализма» (1937, № 3), Л. Кайта «Ницшеанство и фашизм»

⁶ Стоит отметить, что мы не всегда ссылаемся на тексты, в которых Ницше является главным объектом описания. Часто это несколько абзацев или даже предложений, но обычно — значимое упоминание, беспроблемное для автора определенных «ницшеанских» вопросов и таким образом выражающее состояние сознания по отношению к философии Ницше и ее связи с фашизмом. Мы пытались — вероятно, безуспешно — найти все заявления в «Под знаменем марксизма», касающиеся Ницше, но нас также интересовал не столько их объем, сколько определяемая ясность оценки мысли этого философа.

(1938, № 5), а также передовая статья «Кризис буржуазной философии и диалектический материализм» (1934, № 2).

Статья Вайнштейна является наиболее полной и содержит как самые широкие, так и самые глубокие антиницшеанские аргументы. Автор утверждает, что неслучайно такая, а не другая природа философских оснований концепции Ницше привела к признанию его предшественником фашизма; для внимательного наблюдателя эта связь сразу видна. Ибо сущность мысли Ницше — крайний теоретический и познавательный субъективизм, воинствующий имморализм, агностицизм, волюнтаризм, признание прагматического критерия истины. А это означает, что «теоретико-познавательные воззрения Ницше сводятся в основном к идеалистической эклектике на прагматической основе» [Вайнштейн, 1935, с. 83]. Фашизм, однако, в первую очередь интересуется социально-этическими взглядами Ницше, продолжает Вайнштейн, находя прекрасную поддержку в его апологии неравенства и аристократизма, принятии закона силы, восхвалении воли к власти, тождественной с законом эксплуатации, и, наконец, в культе личности. Антиисторизм философии Ницше чрезвычайно полезен фашизму, для которого такие явления, как эксплуатация, рабство и неравенство, являются не историческими фактами, а существенными и неизбежными чертами общества. Согласно Вайнштейну, немецкий фашизм раскрывает истинный характер мысли Ницше, удаляет из нее видимость важности, глубины и переломности. Ницшеанство является естественным результатом (при определенных исторических условиях) любой субъективной, волюнтаристской, агностической мысли.

Вышеупомянутая передовая статья (1934, № 2), повторяя обвинения Вайнштейна, указывает на дальнейшие «грехи» философии Ницше, которые стали причиной того, что его мысль была поглощена фашизмом:

- жизнь как завоевание, насилие, борьба;
- агрессивный характер природы человека;
- необходимость иерархизировать общества и поддерживать строгие границы между группами, классами и расами;
- теория вечных возвращений.

Последний момент особенно интересен. По мнению автора (авторов?) статьи, теория цикличности истории имеет реакционный смысл. Она выражает отсутствие прогресса, общих целей истории и отрицает любую «меру» исторического развития. Даже если есть идея «некоторого» прогресса, «некоторой» меры истории, она связана с силой, волей, доминирующей на данном повороте истории. Следующий рецидив начинается с нулевой точки — история принимает форму новой, иной воли, руководствующейся исключительно своей

внутренней энергией, не извлекая выгоду из «опыта» своих предшественников. История — это постоянный круговорот «сильных» людей, которые ничему не учатся друг у друга. В основе такой концепции (а также в ее политических результатах) лежит биологизация истории, культуры, общества и личности, что является одной из важнейших черт фашистской идеологии⁷.

Статья Кайта «Ницшеанство и фашизм» привносит новый элемент в эту картину. Автор указывает, что некоторые идеи Ницше скрывались фашистами (например, отвращение к антисемитизму). Однако в то же время Кайт не сомневается в профашистском характере мысли Ницше. Автор утверждает, что философ опередил свое время, выступив как идеолог империализма и фашизма; неслучайно даже Бисмарк был для него слишком мягким и «пацифистским». Он формулировал программу великой германской политики, высмеивал мирные отношения между народами, провозглашал необходимость войн и подчинения между народами; был в этом отношении циничен и безответственен. Неудивительно, что современные фашисты, желающие заменить классовую борьбу расовой борьбой, ссылаются на Ницше, говоря, что Германия переживает период, к которому стремился Заратустра.

Авторы второй группы статей пытаются показать противоречия, в которые входит сам фашизм, когда он хочет считать себя наследником идей Ницше. Они представляют отношения «Ницше — фашизм» как сложные и по этой причине считают поспешной, опрометчивой и необоснованной полную идентификацию его идей с фашизмом.

Мы начнем обсуждение этих позиций со статьи, которая приобрела некоторую популярность (она также упоминается в польских исследованиях мысли Ницше), а именно с текста Давида Заславского «Разбойничья мораль фашистских рабовладельцев» [Заславский, 1942]. Вначале автор пишет о манипулировании фашистами традициями, культурой и литературой. Им приходится делать многочисленные упущения, в том числе и по отношению к немецким традициям, так как фашисты не являются и не имеют права считать себя наследниками немецкой культуры. Отсюда постоянная подозрительность фашистов к интеллигенции. Только в «представительных» целях фашисты относятся (перед своей собственной нацией и перед миром) к определенным элементам немецкой традиции как к предшествующим, предсказывающим и предвосхищающим их идеалы и политику.

Одним из таких источников для них является мысль Ницше, взгляды которого они могут разделять лишь частично, потому что многие ницшеанские

⁷ Об этом также пишет, не упоминая имени Ницше, М. Левина в [Левина, 1936].

идеи явно противоречат целям фашизма. Из этих последних идей Заславский перечисляет:

- восхищение Ницше классической немецкой философией и литературой;
- в то же время Ницше принимает и отдает приоритет французской литературе над немецкой;
- высокая оценка русского народа и его культуры;
- критическая оценка немецкой нации как неспособной произвести сверхчеловека;
- отвращение к антисемитизму.

Основная ошибка, которую делают фашисты по отношению к Ницше и которая стала источником объединения его с фашизмом, — буквальное чтение текстов мыслителя. Эти тексты являются не предложениями, вдохновениями, политическими и идеологическими оценками, как хотелось бы фашистам, а в гораздо большей степени художественными образами. Ницше использует символы, метафоры, провокационные парадоксы, чтение которых требует философских и литературных знаний и культуры. Сведение их к плоскости текущих целей, принципов и инспираций политических действий делает философию Ницше оправданием всякого бандитизма.

По словам Заславского, Ницше может быть полезен фашистам только как моральный указатель «господ». Но как таковой он должен оставаться скрытым от масс мелкой буржуазии, моральные идеалы которой основывались на послушании, дисциплине и шовинизме и находили выражение в поклонении Гитлеру.

Статью Заславского, как уже упоминалось, заметили и польские авторы и встретили ее радикально противоположными оценками. Разница в этих оценках проистекает из различного отношения к мысли Ницше и к проблеме его идеологических связей с фашизмом. В 1947 году была издана книга Стефана Розмарина «У истоков фашизма. Фридрих Ницше» (“U źródeł faszyzmu. Fryderyk Nietzsche”). Автор полностью принимает заявление Плеханова (1908) о том, что «немцы сегодня аплодируют Ницше, потому что они чувствовали в нем правильным инстинктом поэта-идеолога классового господства» [Rozmaryn, 1947, s. 26], и он недвусмысленно признает ответственность Ницше за фашизм. Однако автор категорически не согласен с позицией тех исследователей, которые «уверяли, что его [Ницше. — Я. Д.] взгляды не воспринимались ими как социальный идеал, а касались чисто эстетических образов, метафор и т. д.» [ibid., s. 10]. Именно статья Заславского приводится как пример такого «эстетического» подхода к творчеству Ницше. С. Розмарин утверждает, что надо противостоять любым тенденциям возрождения ниц-

шеанства, поскольку это свидетельствует о более или менее сознательном принятии фашизма.

Противоположную позицию занял Януш Кучиньский в своей книге «Закат мещанства» (“Zmierzch mieszczaństwa”). Вот фрагмент, в котором появляется Заславский: «Последователи Ницше, одетые в коричневые рубашки, чтобы воплотить его идеи в жизнь, массово и систематически убивали сторонников Ницше, одетых в простую одежду. Заратустра покровительствовал совершенно противоположным, воюющим друг с другом движениям — он даже вступил в ряды социалистов, а коммунисты (например, Заславский в СССР после 1940 года!) высказали о нем много положительных предложений» [Kuczyński, 1967, s. 379–380].

Читателя статьи Заславского может немного удивить его репрезентативная, почти символическая роль в дискуссиях по проблеме «Ницше — фашизм», хотя бы потому, что в ней, занимающей почти 20 страниц, только 3 посвящены Ницше. Да и с точки зрения аргументации это не что-то революционное и прорывное, даже в отношении к публикациям журнала «Под знаменем марксизма». Кажется, что обстоятельства публикации этой работы сыграли особенно важную роль в оценке самого текста. Статья, защищающая Ницше во время агрессии Германии против СССР, является для С. Розмарина крайним симптомом слепоты, эстетства, игнорирования фактов; в то время как для Я. Кучиньского — это особенно яркое доказательство теоретической честности автора, не уступающего обстоятельствам момента, а также проявление интеллектуальной и моральной силы мысли Ницше, которую невозможно втиснуть в идеологический шаблон фашизма. Несомненно, более ранние тексты, защищающие Ницше, даже если они делали это более широко и глубоко, были лишены этой специфической символической ауры статьи Заславского.

Именно на таком тексте — статье «Философия германского фашизма» Федора Перельмана — я хотел бы сейчас остановиться более подробно. Это, пожалуй, самая обширная и наиболее проницательная попытка того времени определить отношения между фашизмом и философией Ницше и в то же время попытка принять точку зрения, благоприятную для Ницше. Перельман пишет, что тексты Ницше имеют характер метафор, природу образов, которых, вероятно, — если хотим быть верными намерениям их автора — мы не должны непосредственно относить к миру. Однако выбор именно таких, а не иных образов и сравнений делает актуальным отношение Ницше и фашизма. Его концепции символичны, метафоричны, но они могут быть переведены на язык политических требований. И фашизм этим воспользовался. В то же время можно легко указать у Ницше на идеи и мысли, которые явно несовместимы с фашизмом:

- скептически-критический настрой;
- критика религии и государства;
- критика буржуазных идеалов (прибыль, деньги, мещанские ценности);
- отрицательное отношение к общественным массам.

Стоит остановиться на последнем пункте. Автор статьи пишет, что фашизм основан на завоевании масс, на том, чтобы льстить массам, и эта его природа является главной причиной, по которой невозможно открыто и полностью признать ницшеанство как официальную философию фашизма⁸. Именно эта особенность влечет за собой множество других противоречий между фашизмом и мыслью Ницше, вынуждая идеологов современной Германии искать более оптимальные теоретические концепции (здесь автор указывает на Шпенглера).

Статьи, авторы которых защищают Ницше, обычно несколько косвенно характеризовались этим защитным свойством. На самом деле это была не столько защита Ницше, сколько нападение на фашизм как на идеологически-политическую концепцию, лишенную какой-либо ценной теоретической основы; концепцию, насильственно ищущую интеллектуальных союзников, которыми — без необходимости исправлений — могут стать только мыслители не более чем третьей или четвертой линии, с трудом находимые в библиотеках.

Поэтому советских авторов интересует даже не столько Ницше, сколько фашизм. Они стремятся не столько к тому, чтобы воздать должное Ницше, но чтобы уменьшить, насколько возможно, интеллектуальную ценность фашизма. Они стараются показать не столько настоящее лицо Ницше, сколько настоящее лицо фашизма. Пожалуй, наиболее последовательным представителем этого направления был Абрам Деборин. В 1933 и 1937 годах он опубликовал две статьи, посвященные теоретическим основам фашизма без упоминания имени Ницше, несмотря на «благоприятствующие» этому контексты [Деборин, 1933; 1937].

Даже если мы согласимся с последними приведенными выше замечаниями о характере защиты Ницше в советской философской журналистике, остается открытым вопрос о точности и правильности такого «отделения» фашизма от Ницше и Ницше от фашизма. Однако сомнительно, что это всегда и эффективно ведет к лучшему пониманию как Ницше, так и фашизма. Кажется, что даже любители немецкого мыслителя были бы против полного снятия с его философии всякой ответственности за реальность, в которой функциони-

⁸ На это указывает также Б. Вернадинер в [Вернадинер, 1936].

рвала пропаганда его теории, за большее или меньшее обожание, которым он пользовался в фашистской Германии. Это, впрочем, проблема не только Ницше, его философии и его последователей. Подобные невзгоды постигли, например, и теоретические воззрения Карла Маркса, о чем мы можем здесь только упомянуть⁹.

Список источников

Вайнштейн И. Философия Ницше и фашизм // Под знаменем марксизма. 1935. № 6. С. 80–89.

Вернадинер Б. Демократия и фашизм // Под знаменем марксизма. 1936. № 7. С. 26–41.

Деборин А. Германский фашизм и СССР // Под знаменем марксизма. 1933. № 5. С. 66–83.

Деборин А. Гуманизм буржуазный и гуманизм социалистический // Под знаменем марксизма. 1937. № 10. С. 77–100.

Заславский Д. Разбойничья мораль фашистских рабовладельцев // Под знаменем марксизма. 1942. № 7. С. 29–47.

Кайт Л. Ницшеанство и фашизм // Под знаменем марксизма. 1938. № 5. С. 94–101.

Каммари М. Личность в условиях капитализма и социализма // Под знаменем марксизма. 1937. № 3. С. 46–80.

Кризис буржуазной философии и диалектический материализм // Под знаменем марксизма. 1934. № 2. С. 1–14.

Левина М. Фашизация науки о личности в Германии // Под знаменем марксизма. 1936. № 4. С. 65–77.

Луначарский А. В. Против идеализма. Этюды полемические. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924.

Луначарский А. В. Трагизм жизни и белая магия. 2016. URL: http://az.lib.ru/l/lunacharskij_a_w/text_1902_tragizm_zhizni.shtml (дата обращения: 21.11.2021).

Ницше: pro et contra. Антология / под ред. Ю. Синеокой. СПб., 2001.

Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты, Л., 1972.

Перельман Ф. Философия германского фашизма // Под знаменем марксизма. 1934. № 1. С. 65–85.

⁹ «Поэтому предметом отдельного исследования должен стать анализ этого явления и определение того, в какой степени и по каким причинам теория марксизма могла стать знаменем терроризма и вдохновить практику геноцида. Это проблема столь же законная или незаконная, как и проблема, когда мы ставим вопрос об ответственности Ницше за немецкий фашизм и его исторические результаты» [Maskiewicz, 1981, s. 113–114].

Разумовский Н. Философия загнивающего капитализма и фашистского мракобесия // Под знаменем марксизма. 1937. № 10. С. 101–120.

Dobieszewski J. Wątki nietzscheańskie w myśli rosyjskiej i radzieckiej // Dobieszewski J. Syntezy i niuanse. Studia i szkice z filozofii rosyjskiej. Kraków, 2019.

Krzemień W. Filozofia w cieniu prawosławia. Warszawa, 1979.

Kuczyński J. Zmierzch mieszczaństwa. Warszawa, 1967.

Kuderowicz Z. Nietzsche. Warszawa, 1976.

Lukacs G. Historia i świadomość klasowa. Studia o marksistowskiej dialektyce / przeł. M. J. Siemek. Warszawa, 1988.

Łunaczarski A. Światopogląd epigona narodnictwa // Łunaczarski A. Pisma wybrane. Warszawa, 1963. T. 1.

Mackiewicz W. Fryderyk Nietzsche — problemy recepcji // Studia Filozoficzne. 1981. № 1.

Rozmaryn S. U źródeł faszyzmu. Fryderyk Nietzsche. Warszawa, 1947.

Turek L. Kultura i rewolucja. Wrocław, 1973

Walicki A. Polska, Rosja, marksizm. Warszawa, 1983.

References

Vainshtein, I. (1935) 'Filosofiya Nitszshe i fashizm' ['Philosophy of Nietzsche and Fascism'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 6, pp. 80–89.

Vernadiner, B. (1936) 'Demokratiya i fashizm' ['Democracy and Fascism'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 7, pp. 26–41.

Deborin, A. (1933) 'Germanskii fashizm i SSSR' ['German Fascism and the USSR'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 5, pp. 66–83.

Deborin, A. (1937) 'Gumanizm burzhuaznyi i humanizm sotsialisticheskii' ['Bourgeois Humanism and Socialist Humanism'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 10, pp. 77–100.

Zaslavskii, D. (1942) 'Razboinichaya moral' fashistskikh rabovladel'tsev' ['Plundering the Morality of the Fascist Slave Owners'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 7, pp. 29–47.

Kait, L. (1938) 'Nitszsheanstvo i fashizm' ['Nietzscheism and Fascism'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 5, pp. 94–101.

Kammari, M. (1937) 'Lichnost' v usloviyakh kapitalizma i sotsializma' ['Person in the Conditions of Capitalism and Socialism'], *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 3, pp. 46–80.

'Krizis burzhuaznoi filosofii i dialekticheskii materializm' ['The Crisis of Bourgeois Philosophy and Dialectical Materialism'] (1934), *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 2, pp. 1–14.

Levina, M. (1936) 'Fashizatsiya nauki o lichnosti v Germanii' ['Fascization of the Science of Personality in Germany'], *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 4, pp. 65–77.

Lunacharskii, A.V. (1924) *Protiv idealizma. Etyudy polemicheskie* [Against Idealism. Polemic Sketches]. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniya" Publ..

Lunacharskii, A.V. (2016) *Tragizm zhizni i belaya magiya* [The Tragedy of Life and White Magic]. 2016. Available at: http://az.lib.ru/l/lunacharskij_a_w/text_1902_tragizm_zhizni.shtml (Accessed: 21 Nov. 2021).

Sineokaya, Yu. (ed.) (2001) *Nitsshe: pro et contra. Antologiya* [Nietzsche: Pro et Contra. Anthology]. St. Petersburg, 2001.

Novikov, A.I. (1972) *Nigilizm i nigilisty* [Nihilism and Nihilists]. Leningrad, 1972.

Perel'man, F. (1934) 'Filosofiya germanskogo fashizma' ['Philosophy of German Fascism'], *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1, pp. 65–85.

Razumovskii, N. (1937) 'Filosofiya zagnivayushchego kapitalizma i fashistskogo mrakobesiya' ['The Philosophy of Decaying Capitalism and Fascist Obscurantism'], *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 10, pp. 101–120.

Dobieszewski, J. (2019) 'Wątki nietzscheańskie w myśli rosyjskiej i radzickiej', in Dobieszewski, J. *Syntezy i niuanse. Studia i szkice z filozofii rosyjskiej*. Kraków.

Krzemień, W. (1979) *Filozofia w cieniu prawosławia*. Warszawa.

Kuczyński, J. (1967) *Zmierzch mieszczaństwa*. Warszawa.

Kuderowicz, Z. (1976) *Nietzsche*. Warszawa.

Lukacs, G. (1988) *Historia i świadomość klasowa. Studia o marksistowskiej dialektyce*. Transl. by M.J. Siemek. Warszawa.

Łunaczarski, A. (1963) 'Światopogląd epigona narodnictwa', in Łunaczarski, A. *Pisma wybrane. T. 1*. Warszawa.

Mackiewicz, W. (1981) 'Fryderyk Nietzsche — problemy recepcji', *Studia Filozoficzne*, 1.

Rozmaryn, S. (1947) *U źródeł faszyzmu. Fryderyk Nietzsche*. Warszawa.

Turek, L. (1973) *Kultura i rewolucja*. Wrocław.

Walicki, A. (1983) *Polska, Rosja, marksizm*. Warszawa.

Информация об авторе: Я. Добешевский — Dr hab., профессор, преподаватель Института философии Варшавского университета. Адрес: Rzeczpospolita Polska, 00-927, Warszawa, ul. Krakowskie Przedmieście, 26/28.

Information about the author: J. Dobieszewski — Dr hab., Professor, Institute of Philosophy, University of Warsaw. Address: 26/28 Krakowskie Przedmieście Str., Warsaw, 00-927, Poland.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 05.12.2021;
approved after reviewing 13.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.